
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МАССЫ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

Стремительные изменения, охватившие нынешнее общество, выдвинули множество проблем, с которыми столкнулась современная философская мысль. Одним из основных контекстов продолжающихся дебатов стал мир информационных технологий, провозгласивший новый цивилизационный уровень. Вместе с тем практически все современные исследователи отмечают пока еще трансформационный характер социума, отличающийся некоторой неопределенностью, обусловленной столкновением и противоречивостью параметров прошлого и будущего. Анализ всех аспектов бытия заставляет задуматься о характере трансформаций “параметров прошлого” или их полного изгнания из нашей жизни. В контексте парадоксального информационного мира, демонстрирующего практическую одновременность глобализационных и локализационных, интеграционных и фрагментационных явлений, чрезвычайно актуальной становится проблема массовости и ее преобразований в условиях новой технологической среды и сетевых отношений.

Проблема массовости имеет достаточно широкий спектр приложений, так как затрагивает в первую очередь массы как элемент социальной организации; массовость как единый способ сознания и поведения; массовую культуру как некую систему смыслов, доступную всем членам общества, независимо от действующей модели социальной стратификации и социального статуса индивида; массового человека как социально-психологическое явление; массовое общество как модель социального устройства, в котором в силу определенных экономических и социально-политических преобразований происходит активное внедрение масс в сферы, ранее считавшиеся элитарными. Нашей задачей является ответ на вопрос о том, каким трансформациям подвергается массовость во всех перечисленных ее фрагментах.

Захват власти массами, получивший свое философское определение как “восстание масс” (Х. Ортега-и-Гассет), уже с начала прошлого века и практически до сегодняшнего дня интерпретируется как одно из кризисных явлений общекультурной значимости. Известно, что зарождение массового общества связано с индустриальной революцией, а более конкретно – с двумя факторами: во-первых, с повышением и одновременным усреднением жизненного уровня, что стало первым шагом на пути к уравниванию, стандартизации и “неповиновению” меньшинству; во-вторых, с планетарностью как тенденцией распространения процессов на весь земной шар. В итоге началось “столпотворение”, определяемое как количественно, так и качественно: количественно-визуальный феномен “толпы” плавно перешел в качественно определяемую

“массу”, выдвигающую свою мораль, свою политику, свое государство. Стадность, сметающая границы всего того, что изначально было отведено меньшинству, с уверенностью стала выбивать образ “нового” – массового человека (отметим, что проявления массовости были во все времена и везде, ибо социальная организация любого общества всегда предполагала наличие двух полюсов – массы и элиты. Тем не менее, массовым стало называться общество, которое воспроизводит массу постоянно, что, будучи следствием экономических изменений, явилось причиной многочисленных коренных социокультурных преобразований).

Если новизна образа массового человека обращена к эпохе индустриализма, то в современном мире контекстом рассмотрения человека стала информационно-технологическая среда. В оборот всё чаще стали входить понятия “информационный человек” как субъект поля информационного взаимодействия; “сетевой человек”, для которого информация не просто сохраняет статус одного из первичных жизненных благ, но и выступает в качестве относительно независимого элемента в паутине социальных отношений; “цифровой человек” – понятие, которое в значительной степени сопряжено с безопасностью и свободой личности в мире технологий; “виртуальный человек”, который склонен оперировать калейдоскопом образов, созданных благодаря возможностям виртуального пространства. Перечень наименований современного человека можно продолжить, однако основная наша задача – ответить на вопросы, сохранил ли информационный человек основные характеристики человека массового и насколько информационное общество продолжает воспроизводить массу в качестве доминирующего элемента социальной жизни. Ответы на эти вопросы предполагают сопоставительный анализ духовных, материальных, моральных, гражданских аспектов, а также общих принципов организации и механизмов функционирования социальных систем индустриализма и постиндустриализма.

Социально-политические и экономические преобразования, связанные с процессами модернизации и определившие рождение массового общества, в рамках индустриально-технократической парадигмы отличились качественным совершенствованием и количественным расширением применения информационных технологий. В XX веке Герберт Маркузе, обратив внимание на уже достигнутый высокий уровень интеллектуальных и материальных ресурсов, отметил, что технический прогресс способствует объединению прежних антагонистов, а это в принципе предполагает тождество противоположностей. В результате всё больше увеличивается господство общества как целого над отдельным человеком как единицей. Возникшая тотализация приводит не только к сплачиванию, но и к рождению новых форм социального контроля, регулирующих стереотипизацию поведения, ментальности и способов мышления¹. Данная логика исторического развития предполагает непосредственную сопряженность технологического прогресса с установлением строгой системы господства, при котором понятие свободы становится всё более относительным.

---

¹ См. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2009, с. 7–34.

Безусловно, с точки зрения глобализации и расширения жизненных горизонтов человека индустриализация явилась переломным этапом, и, казалось бы, “омассовление” как взаимопроникновение массы и элиты предполагало уравнивание и установление горизонтальных отношений. Но специфика социальной массы такова, что реализация ее эмоционально-аффективных потребностей всегда требует лидера, как правило, лидера определенного типа: в первую очередь обладающего силой, ибо, как справедливо заметил З. Фрейд, “масса уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина”². Именно поэтому многие исследователи (Р. Арон, Э. Фромм, Г. Маркузе и др.) отмечали тоталитарный характер массового общества, обусловленный крайней централизованностью. Последняя напрямую связана с технологическими и коммуникационными возможностями времени, когда, несмотря на стремительный рост потребительского рынка и повышение жизненного уровня, основными средствами массовой информации оставались национальные печатные издания и телевидение, которые отличались ярко выраженной монологичностью. Индустриализация СМИ заметно расширила мир, однако специфика информационных средств по-прежнему навязывала обществу способы организации, разработанные и управляемые государством: человек, как правило, сталкивался со стандартизированной, изначально отшлифованной информацией. Иными словами, массовое общество разворачивалось через государство, и в итоге мир создал “глобальную паутину”, но в пределах национальных государств: явление по-прежнему возникало и распространялось в обществе с четко выраженными границами и собственными механизмами действий, которые всегда предполагают наличие иерархических структур. В подобной ситуации разрабатываются специфические отношения государство–общество: общество служит государству, всячески способствуя искоренению всякого меньшинства, постоянно делая ставку на устойчивость. Как ни парадоксально, подобный подход может породить одинаково благоприятную среду для таких противоположных политических моделей, как тоталитаризм и демократия. В первом случае формируются массовое сознание, поведение, мировоззрение и социальные действия, обусловленные одномерным человеком, созданным диктатурой. В контексте же “власти большинства” речь идет о безоговорочном поражении меньшинства, независимо от того, правильное ли принято решение.

Влияние средств коммуникации (тщательно описанное канадским философом Маршалом Маклюэном) влечет за собой череду социокультурных явлений, которые сказываются на трансформации власти и смене элит. Так как система государственных органов и государство в целом – чрезвычайно сильные элементы политической власти, то политическая элита выступает в качестве привилегированной группы, обеспечивающей субординацию в обществе. Галактика Гутенберга предоставляла ей не только государственную, но и информационную власть. Централизованные средства пропаганды эффективно

---

² Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М., 2011, с. 27.

влияти на массовое сознание, и его носители приобретали социально-психологические характеристики толпы с ее совместными действиями и стихийностью (история XX века знает как минимум два примера подобной социальной массы – фашистскую Германию и Советский Союз).

Постиндустриальная революция, внедрившая в нашу жизнь компьютер, сместившая акцент с физического труда на умственный, переместившая рабочую силу из производства в сферу услуг, породила доселе невиданные возможности, что не могло не сказаться на специфике массовости. Новые коммуникационные средства изменили мир (в силу структурной трансформации социальной системы), на смену вертикальным всё чаще приходили горизонтальные отношения. Казалось бы, при переходе от индустриализма к постиндустриализму планетарность всё больше вовлекает людей в общую систему отношений, а следовательно, углубляет “омассовление” (вообще, как отмечает Э. Каннети, первым и главнейшим свойством массы является именно стремление к росту). Однако, делая в социокультурном отношении ставку на устойчивость и всегда сохраняя тенденцию к иерархичности, масса достигает в какой-то момент зенита и, не способная к дальнейшему росту, начинает распадаться³. Фактически чрезмерный рост опасен для нее: стандартные механизмы массового общества более не работают, ибо закрытая система заменяется открытой, а ее логика требует следовать синергетическим принципам самоорганизации. При этом исчезает нужда в одном или нескольких лидерах, шанс на лидерство дается каждому. Единый центр активности отныне неприемлем, полицентричность сетевой структуры тяготеет к более гибким отношениям и связям, и каждый в силу доступа к информации способен стать основным узлом общего информационного пространства. Если СМИ эпохи индустриализма воздействовали на массовое сознание централизованным образом, то в эпоху Интернета предпочтение отдается специализированной или даже персонализированной информации. Даже если допустить, что в информационном мире пирамидальность не полностью преодолена, тем не менее, пирамида “никогда не бывает в равновесии, взаимоотношение сил внутри нее постоянно меняется, то есть власть происходит из временных, нестабильных, аморфных альянсов, а не из какой-то конкретной географической точки или устойчивого конституционного образования”⁴. Подобная ситуация обусловлена в первую очередь такими особенностями сети, как транснациональность и диалогичность, изменившие не просто статус человека в обществе, но и систему отношений государство–общество согласно девизу «большое общество вместо большого государства». Такое изменение предполагает усиление неформальных структур, модернизацию общества на основе солидарности и взаимного доверия, систему поощрения гражданской активности и творческого труда, а также ориентацию на делиберативность как модель демократии, при которой большинство готово идти на уступки во имя защиты прав меньшинства и отдельного гражданина. Делиберативность является моделью,

---

³ См. Канетти Э. Масса и власть. М., 2012, с. 53.

⁴ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: новая правящая элита, или Жизнь после капитализма. СПб., 2005, с. 34.

“указывающей на принятие определенной установки, направленной на социальное сотрудничество, а именно установки открытости, готовности внимать разумным доводам, сопровождающим заявления других лиц, так же, как своим собственным. Делиберативная среда предоставляет возможность для добросовестного обмена мнениями – в том числе для того, чтобы его участники отчитались, как каждый из них сам понимает свои жизненные интересы, – когда в том или ином решении, если оно принимается, выражается некое обобщенное суждение”⁵. То есть демократическая модель информационного общества предполагает политический дискурс между государством и обществом, который основан на информации, аргументации и убеждении: “В общепринятом и традиционном понимании делиберативный процесс – логическое рассуждение, когда участники тщательно рассматривают независимую информацию и доводы, а затем стремятся самостоятельно определить то, что составляет надлежащую государственную политику и стараются убедить в этом друг друга”⁶. В данном случае налицо упор на рациональную аргументацию, в то время как традиционно массовое общество в основном трактуется исключительно как результат взрыва иррационального и эмоционального.

Все указанные трансформации информационного мира легитимизировали использование в его отношении термина *посткапиталистический*. Ценным активом, обеспечивающим социальный статус, являются уже не деньги, а кредит доверия, который наряду со сложностью структуры и опасностью затерянности в информационных потоках больше не может позволить человеку сливаться с толпой. Кроме того, изменение статуса государства несколько пошатнуло позиции политической элиты как основной координирующей силы и мобилизовало элиту творческую, а изменение характера власти заменило строгую формулу “господство–подчинение” на более мягкие формы “символического принуждения”⁷. Отмеченные Э. Ледерером, Х. Арендт и другими исследователями такие характеристики массы, как отсутствие различий, однообразие, бесцельность, оказались под вопросом, а необходимость и возможность каждого выступать узлом или центром в системе отношений получило свою расширенную интерпретацию в рамках концепции аттенционализма, которую часто применяют именно в отношении информационного мира, нередко даже допуская взаимозаменяемость этих терминов (“информационное общество” и “аттенционализм”). Теоретики концепции нетократического общества А. Бард А. и Я. Зодерквист дают этому следующее объяснение: “Внимание в сети гораздо более дефицитный ресурс, чем деньги. Деньги – результат внимания, не наоборот. Внимание – единственная твердая валюта виртуального мира. Потому стратегия и логика нетократов носят характер аттенционалистический, а не капиталистический”⁸. А это означает, что безликость, размытость или унифицированность неприемлемы не только на индивидуальном уровне, но и на уровне сообществ, ибо структура информационного об-

---

⁵ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2008, с. 380.

⁶ Там же.

⁷ См. Чайковский Д. В. Трансформации власти в дискурсе постмодерна // «Известия Томского политехнического университета», № 6, том 315, с. 92–96.

⁸ Бард А., Зодерквист Я., указ. соч., с. 46.

щества показала, что уход от массовости может проявляться не только как индивидуализация, но и как идентификация себя с той или иной группой. Тем более что идентификация себя с группой, как отметил А. Маслоу, выделена в числе базовых человеческих потребностей⁹. Вопрос лишь в том, что в современном мире появилось небывалое количество конкретно организованных групп, которые в силу своего многообразия и вариативности сохраняют гетерогенность общества в целом. Массовое же общество как целое, предполагающее нечто большее, чем простая совокупность частей, несмотря на относительную гетерогенность своих членов как индивидов, предстает близким к гомогенности состоянием.

Итак, современный информационный мир во многом заменил собой массовое общество, изменив его основные параметры и факторы. В результате компонентами новой структуры стали не коллективы, а связанные посредством сетей индивиды; доминирующим характером общества стала не гомогенность, а гетерогенность; централизация была заменена на полицентричность, а физическое и унитарное сообщество стало виртуальным и разнообразным. Изменениям подвергся и тип организации, который в массовом обществе однозначно являлся бюрократическим, в то время как информационное общество предлагает горизонтально дифференцированную инфократию (infocracy)¹⁰. Основной тип коммуникации лицом к лицу (face to face) стал более опосредованным, а характер средств информации – интерактивным. Но нельзя считать, что, справившись с классическими проявлениями массовости индустриального мира, человеку удалось преодолеть социокультурный кризис, ибо информационное общество стало для человека испытанием нового уровня, где он по-прежнему ищет ценностные ориентиры собственного бытия. В новых технологических и социокультурных условиях человек сталкивается с трудностями психологической адаптации к информационной среде. К. Мангейм, обсуждая возможность и перспективы планируемого демократического общества, отмечал: “Для того, чтобы динамическое общество функционировало, оно должно иметь возможность давать ответы на изменяющуюся среду; если же количество принятых моделей становится слишком большим, то результатом является нервное раздражение, неуверенность и страх. Индивиду становится все труднее жить в аморфном обществе, в котором он даже в простейших ситуациях вынужден выбирать между различными моделями действия и оценок, хотя его никогда не учили выбирать и действовать самостоятельно”¹¹. Современный человек, оказавшийся в нескончаемом потоке информации и пытающийся приспособиться и справиться с ней, не просто столкнулся с этой проблемой, но и оказался в беспрецедентной ситуации, когда “мир вокруг в целом движется значительно быстрее, чем мы сами”¹². При этом важно заметить, что именно мир вокруг нас, среда, которая нас окружает, создает образы,

---

⁹ См. **Ольшанский Д. В.** Психология масс. СПб., 2001, с. 15.

¹⁰ См. **Jan van Dijk.** The Network society: Social Aspects of New Media. London, 2006, с. 32–37.

¹¹ **Мангейм К.** Диагноз нашего времени. М., 1994, с. 417.

¹² **Бард А., Зодерквист Я.,** указ. соч., с. 25.

фиксируемые нашей психикой. Динамика окружающей нас действительности или среды влияет на специфику постижения поставляемых образов. Естественно, что в информационном круговороте современного мира все осложняется глубиной восприятия, что предопределяет в процессе индивидуализации доминирование формальных, а не содержательных, сущностных сторон. Ситуация напрямую связана с проблемой идентичности, ибо сама индивидуализация – это путь построения собственной “Я-концепции”. При этом возникает парадоксальная ситуация, когда два, казалось бы, противоположных процесса – омассовление и демассификация – в итоге дают схожий результат. Дело в том, что одной из основных характеристик массового общества является феномен обезличивания: человек теряет свое лицо, восприняв позицию одномерности: схожесть создает “лицо массы”. Здесь встает вопрос идентичности, которая предполагает доминанту стойкого коллективного элемента. Информационное общество несколько иначе ставит проблему, и проявляется другая крайность: не потеря лица, а множественность лиц, реализуемая в первую очередь за счет возможностей виртуального мира. Процессы самоидентификации приобретают значительную интенсивность и часто разнонаправленность, в результате человеку сложно сохранять целостность своего “Я”. Получается, что и в том, и в другом случае личностное “Я” становится проблематичным: с одной стороны, из-за однообразия и слияния с массой, с другой – из-за множественности собственных образов, препятствующих внутренней целостности.

Одновременно технологическая среда, субъектами которой стали представители “умной толпы” (“smart mobs”)¹³, владеющие новейшими технологическими средствами, ускоряет процесс атомизации и рост отчуждения, тем самым наделяя толпу новым определением – одинокая (Дэвид Райсман). Очувтившись в обществе изобилия (Джон Гэлбрейт), новая “одинокое-умная” социальная масса начинает ориентироваться на потребление и развитие индустрии развлечений: мир воспринимается как шоу, а социальная жизнь – как спектакль. В требующем зрелища постмодерном (в культурологическом смысле) обществе толпа постепенно трансформируется в более терпимую или даже равнодушную публику, которая с позиций массовости характеризуется не столько требованием совместных действий, сколько единством в своей пассивности. Ж. Бодрийяр назвал пассивность одной из форм потери социального¹⁴. Наглядная неопределенность и несостоятельность, казалось бы, наметившейся индивидуализации вызвана очередным осложненным поиском истинной свободы, ибо окончательно вылечить «болезнь деперсонализации» возможно, как отмечал Э. Фромм, только через обретение позитивной свободы, свободы не самой по себе, не деструктивной а “свободы для чего-либо”, через переход от состояния “иметь” к состоянию “быть”¹⁵.

---

¹³ Так названа книга Говарда Рейнгольда. См. **Г. Рейнгольд**. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.

¹⁴ См. **Бодрийяр Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.

¹⁵ См. **Фромм Э.** Иметь или быть? М., 2012, с. 254–300.

Ключевые слова: *социальная масса, массовое общество, информационное общество, виртуализация, децентрализация, аттенционализм, демассификация, социальность*

ԿԱՐԻՆԵ ՅԱՐԱԼՅԱՆ – Սոցիալական զանգվածի փոխակերպումը քաղաքակրթական նոր գործոնների համատեքստում – Արդի աշխարհում փակ սոցիալական համակարգից բացին անցնելիս զանգվածային հասարակության ստանդարտ մեխանիզմները չեն գործում: Քաղաքակրթական նոր իրողություններում արժեքային կարևոր հարացույցներ են դառնում գիտելիքը և վստահության վարկը, ինչը վկայում է, որ տեխնոլոգիապես բարդ սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական ժամանակակից համակարգերում սոցիալական զանգվածի միաչափության, միակերպության և նման այլ որակները չեն կարող նպաստել համակարգի արդյունավետ զարգացմանը և գործառությանը: Ավելին, շրջապատող աշխարհի փոփոխություններին հարմարվելու հոգեբանական դժվարությունները խորացնում են օտարման դրսևորումները, ստեղծում նոր սոցիալական զանգված՝ հանդիսատես, որին բնորոշ են ոչ այնքան համատեղ գործողությունների պահանջը, որքան որպես սոցիալականի կրուստ մեկնաբանվող համընդհանուր կրավորականությունը:

Բանալի բառեր – *սոցիալական զանգված, զանգվածային հասարակություն, տեղեկատվական հասարակություն, վիրտուալացում, ապակենտրոնացում, ատենցիոնալիզմ, ապազանգվածայնացում, սոցիալականություն*

KARINE YARALYAN – Social Mass Transformation in the Context of New Civilizational Factors. – In the modern world, regular mechanisms of mass society start failing in the course of transition from closed social system to an open one. In this new civilizational reality, knowledge and trust become important axiological pillars, proving that in the modern technologically-intensive social, economical and political systems such characteristics as uniformity and homogeneity of the social mass doesn't contribute properly to the optimal development and functionality of the system. Moreover, difficulties in psychologically adapting to the transformations of the world around us intensify psychological alienation and create social mass of a new type, which is the public that features not so much a need for joint action but overall passivity that is usually interpreted as lack of sociality.

Key words: *social mass, mass society, information society, virtualization, decentralization, attentionalism, demassification, sociality*